

«Красные помидоры» Б. Чичибабина: путь поэта и возможности стиха

Т. А. Шеховцова

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина;
e-mail: shekhovt2@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6270-6549>

В статье проведен целостный семантический, поэтологический и контекстуальный анализ стихотворения русского поэта Бориса Чичибабина «Кончусь, останусь жив ли...» («Красные помидоры») с учетом дискуссионных моментов существующих интерпретаций. Уточнено значение этого произведения в личностном и творческом становлении поэта. Дополнена трактовка центрального символического образа стихотворения «красные помидоры» и предложен реальный комментарий к нему. Охарактеризованы архетипические, фольклорные и литературные претексты стихотворения. Прокомментировано соотношение внешнего, событийно-биографического, и лирического сюжетов. Прослежена семантическая нагрузка всех формальных компонентов стиха – композиции, строфики, фоники, метрики. Показано, что поэтическая конструкция оказывается едва ли не единственной опорой в разорванном, враждебном мире, где оказался узник, при этом наряду с классической строфикой поэт использует неклассическую метрику – размытый трехиктный дольник, демонстрируя возможности «свободного» стиха. Выявлены точки соприкосновения стихотворения Чичибабина с «семантической поэтикой», созданной О. Мандельштамом и А. Ахматовой (понимание связи истории и человека, проникновение творчества в жизнь, превращение слова в дело, соотносимость стихотворения с реальной ситуацией, прозаизация стиха, сочетание обобщенно-философского и конкретно-чувственного и т. д.). Прозаизация стиха проявляется во введении сюжетных элементов, скрытой диалогизации, использовании разговорных интонаций, игре временами, кинематографичности.

Автор статьи приходит к выводу, что стихотворение молодого поэта становится свидетельством не просто ранней творческой зрелости, но и особой поэтической интуиции: обнаруживая повышенную семантизацию всех элементов стиха и реализацию перформативных возможностей поэтического высказывания, чичибабинский текст соотносится с перспективными художественными открытиями постсимволистской эпохи.

Ключевые слова: Чичибабин, образ-символ, семантика, поэтика, контекст, реальный комментарий, «семантическая поэтика»

Шеховцова Т. А. «Червоні помідори» Б. Чичибабіна: шлях поета і можливості вірша

У статті проведено цілісний семантичний, поетологічний і контекстуальний аналіз вірша російського поета Бориса Чичибабіна «Скінчуся, залишуся живим...» («Червоні помідори») з урахуванням дискусійних моментів існуючих інтерпретацій. Уточнено значення цього твору в особистісному і творчому становленні поета. Додовнено трактовку центрального символічного образу вірша «червоні помідори» і запропоновано реальний коментар до нього. Схарактеризовано архетипічні, фольклорні та літературні претексти вірша. Простежено семантичне навантаження всіх формальних компонентів вірша – композиції, строфіки, фоніки, метрики. Прокоментовано співвідношення зовнішнього, подієво-біографічного, і ліричного сюжетів вірша. Показано, що поетична конструкція залишається чи не єдиною опорою в розірваному, ворожому світі, де опинився в'язень, при цьому поряд з класичною строфікою поет використовує некласичну метрику – розмитий трьохіктний дольник, демонструючи можливості «вільного» вірша.

Виявлено точки дотику вірша Чичибабіна з «семантичною поетикою», створеною О. Мандельштамом і А. Ахматовою (розуміння зв'язку історії і людини, проникнення творчості в життя, перетворення слова в справу, співвіднесеність вірша з реальною ситуацією, поєднання узагальнено-філософського і конкретно-чуттєвого і т. ін.) Прозаїзація вірша проявляється у введенні сюжетних елементів, прихованій діалогізації, використанні розмовних інтонацій, грі часом, кинематографічності.

Автор статті приходиться до висновку, що вірш молодого поета стає свідченням не просто ранньої творчої зрілості, а й особливої поетичної інтуїції: виявляючи підвищену семантизацію всіх елементів вірша і реалізацію перформативних можливостей поетичного висловлювання, чичибабінський текст співвідноситься з перспективними художніми відкриттями постсимволістської доби.

Ключові слова: Чичибабін, образ-символ, семантика, поетика, контекст, реальний коментар, «семантична поетика»

Shekhovtsova Tetiana "Red Tomatoes" by B. Chichibabin: the poet's path and the possibilities of the poem

The article presents a comprehensive semantic, poetological and contextual analysis of the poem Red Tomatoes («Кончусь, останусь жив ли...») written by the Russian poet Boris Chichibabin with consideration of debatable aspects of existing interpretations. The significance of this creation for the poet's personal and creative formation has been specified. The interpretation of the poem's key symbolic image has been amplified, and a real comment has been attached to it. Archetypal, folkloric and literary pretexts of the poem have been characterized. The correlation between the external, biographical and lyrical plots has been commented on. The semantic load of all formal components of the poem, such as composition, verse structure, phonics, and metrics, has been checked up. It has been shown that the poetic construction appears to be nearly the only support in a torn, hostile world, in which a prisoner found himself; at the same time, along with a classic verse structure, the poet uses non-classic metrics – a fuzzy three-ictus accentual verse, thus demonstrating the possibilities of a "free" poem.

The meeting points of Chichibabin's poem and the "semantical poetics", created by Osip Mandelstam and Anna Akhmatova, have been detected (such as the understanding of the connection between history and a person, infusion of creation into life, turning words to deeds, relatedness of a poem to a real-life situation, prosaic character of the poem, combination of the generalized and philosophical notions with the specific and sensual ones, etc.) The prosaic character of the poem is reflected in the introduction of the elements with a plot, hidden dialogue, the use of colloquial intonations, playing with tenses, as well as the cinematic hints.

The author of the article comes to the conclusion that the poem written by young poet signifies not only his young creative maturity but also a special poetic intuition – while revealing an enhanced semantic character of all the elements of the poem and implementing the performative possibilities of the poetic expression, Chichibabin's text correlates with the perspective artistic discoveries of post-Symbolistic epoch.

Keywords: Chichibabin, symbolic image, semantics, poetics, context, real comment, "semantical poetics"

Стихотворение «Кончусь, останусь жив ли...», больше известное как «Красные помидоры», принято считать визитной карточкой Бориса Чичибабина и началом его оригинального поэтического пути. Неудивительно, что редкий из исследователей чичибабинского творчества обошел его стороной. История создания, историко-политический фон, центральный образ-символ, художественные достоинства этой шестнадцатистрочной миниатюры (лаконизм, скупость выразительных средств, оригинальная составная рифма, образно-смысловой сдвиг и т. п.) рассматривались неоднократно, с разной степенью подробности [1; 3; 7; 8; 13; 17]. Однако, как справедливо заметил Ф. Рахлин, «образный строй совершенного произведения поистине неисчерпаем» [13] (заметим, что столь же неисчерпаемыми оказываются его смысловая глубина, интертекстуальные и контекстуальные связи). Задача нашей статьи – семантический, поэтологический и контекстуальный анализ стихотворения Чичибабина, уяснение места этого произведения в личностном и творческом становлении поэта.

Стихотворение написано в одиночной камере на Лубянке летом 1946 года, где Чичибабин провел два месяца [18, с. 469]. Напомним, что в июне этого года Чичибабина, который учился на первом курсе филфака, арестовали и после тюремных и судебных мытарств присудили пять лет лагерей «за антисоветскую агитацию». Внешний, событийно-биографический сюжет стихотворения вполне прозрачен, и интерпретаторы «Красных помидоров» вполне закономерно рассматривают это произведение как стихи «о горькой участи юного узника, отторгнутого жестокой машиной государства от близких, от любимой, от молодости, счастья, книг, науки – а, может быть, и от самой жизни» [13], или же, более обобщенно, – о «насилии над человеческой душой» [7].

Кончусь, останусь жив ли, –
чем зарастет провал?
В Игорево Путивле
выгорела трава.

Школьные коридоры –
тихие, не звенят...
Красные помидоры
кушайте без меня.

Как я дожил до прозы
с горькою головой?
Вечером на допросы
водит меня конвой.

Лестницы, коридоры,
хитрые письма...
Красные помидоры
кушайте без меня [18, с. 24].

Однако лирический сюжет стихотворения существенно расширяет смысловые горизонты. Первая строка сразу ставит самый главный для лирического героя вопрос и задает основную оппозицию стихотворения – «жизнь/смерть». Стих строится как движение маятника с максимальной амплитудой и передает ужас неопределенности в положении человека, который не знает, что у него впереди. Герой живет в ожидании того часа, когда маятник судьбы замрет в каком-либо определенном положении: жить – умереть. Причем вероятность выбора того и другого совершенно одинакова, и это подчеркивается фонетически: **кончусь** – **останусь** (4 звука совпадают из шести). Однако акцент сделан не на одной из этих возможностей, а на их последствии, которое, как ни парадоксально, объединяет противоположности. Зияющий провал, который рано или поздно закроется, зарастет – это, прежде всего, провал в личной судьбе (если «останусь жив»), поскольку тюремные месяцы и годы – время, как будто вычеркнутое из жизни. Но можно ли вычеркнуть их из памяти узника, что залечит («зарастит») раны его души? С другой стороны, конец чьего-либо личного существования, в особенности преждевременный, – провал в жизни страны и человечества, которая складывается из жизней отдельных людей. Но общая жизнь продолжится, даже если умрет поэт.

Вторая строка перекликается с четвертой: глагол «растет» притягивает существительное «трава». Оказывается, что провал (уже материализованный и из временной плоскости сместившийся в пространственную) должен зарастать травой, при этом поэт сближает эпохи и вспоминает, как когда-то выгорела трава в Игорево Путивле. Обращение к «Слову о полку Игореве» разъяснено комментаторами вполне убедительно: стихи были написаны после второго семестра обучения на филфаке, включающего изучение древнерусской литературы, и несли целый ряд ассоциаций со «Словом...»: герой попадает в руки врагов, томится в неволе, его возлюбленная оплакивает его и просит о помощи и т. п. [3, с. 19]. Заметим только, что в «Слове о полку Игореве» нет прямого упоминания о выгоревшей траве. Однако вчерашний студент усвоил не столько букву, сколько дух древнего текста, сблизив в своем творческом сознании два фрагмента: «ничить трава жалощами» (никнет трава от жалости) и «Жля поскочи по Руской

земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ» (Жля помчалась по Русской земле, сея горе людям из огненного рога) [16]. Как отмечал Б. Рыбаков, «Жля, Желя (Жья) – олицетворение печали и тоски. В поэме она сжигает, душит горечью жарасмаги, который она извергает из огненного рога. Образ взят, вероятно, из византийской военной техники: греки из больших труб метали огонь на русские корабли и тем сжигали их; эти огнеметные трубы, изображаемые на миниатюрах, и являются, очевидно, прообразом “пламенного рога”, с помощью которого богиня печали сеяла тоску по Руси» [14]. Поэт пишет о своей личной трагедии – о потере свободы, но эта трагедия становится бедой всей страны, причем не только нынешней, но и во все века истории. Тяжко голове без плеч, телу без головы, Русской земле без Игоря, как говорил неизвестный автор древнерусского памятника. Необычная рифма – начальная, гипердактилическая (ударение на четвертом слоге от конца) в *Игорево* – *выгорела* акцентирует внимание читателя на исторических параллелях, выделяет важную для автора мысль.

Строка об *Игорево* Путивле не только обращает к истории, но рождает дополнительные ассоциации, также сближающие прошлое и настоящее: выгоревшая трава – это напоминание о недавней войне и нынешнем выжженном репрессиями времени – и о войнах Древней Руси, о монголо-татарском нашествии, переключая с теми строчками «Слова», где описана трава, поникшая от жалости после поражения *Игорева* войска.

В стихотворении можно увидеть отголоски и еще одного университетского курса – фольклора. Протяжная лирическая песня о «горькой головушке», одиночестве и разлуке с любимой органично соотносится с третьей строфой стихотворения, дополняя смысловое и эмоциональное поле текста, расставляя акценты в лирическом сюжете:

Голушка горькая, голушка горькая...

Ах, да пришла ночка темная.

Не с кем ночку ночевать, осеннюю коротать... [5, с. 149].

Лейтмотивный образ «красные помидоры», центральный для стихотворения, возникает во второй строфе и повторяется в финале, завершая произведение. Образ многозначен, как и полагается символу. Исследователи истолковывают его в гастрономически-бытовом, биографическом и политическом аспектах: как намек на родной Харьков (на Украине помидоры – основной летний продукт), как указание на спелость и первосортность продукта, «конечно же, не достигавшего скудного стола заключенного» [7], как олицетворение «простого праздника жизни» и даже как символ советского строя [13].

Красные помидоры – это то, что отнято вместе со свободой и осталось в другой, нетюремной жизни. Повтор фиксирует внимание читателя на том, что для автора в этот момент

является самым главным – оторванность от жизни во всех ее проявлениях, во всей ее сочной, красочной, чувственной полноте. Эта оторванность еще больше, еще острее ощущается молодым и полным сил человеком. Красный цвет символизирует радость, красоту, любовь и полноту жизни, но его семантика поливалентна, он ассоциируется также с кровью, смертью, страданием. Два слова красные помидоры фонетически объединяет только звук «р», но он рассеян по всему стихотворению, обеспечивая доминирование центрального образа (*зарастет провал*, *Игорево* – *выгорела*, *трава*, *горькою*, *хитрые*, *коридоры*, *прозы* – *допросы*). Образ-символ становится «центром вербальной звукоассоциативной сети» [4, с. 41]: *зарастет* – *провал* – *трава* – *коридоры* – *прозы* – *горькою* – *вечером* – *допросы*.

Стихотворение насыщено аллитерациями и ассонансами, которые устанавливают фоносемантические связи между элементами поэтического текста. В эхо-повторах (эквифонии, по Г. Векшину [4, с. 6]) переключаются не только отдельные звуки, но и звуковые группы: *Игорево* – *выгорела* – *коридоры* – *помидоры* – *горькою* – *головой* (семантика горя / горечи распространяется на все фонетически сближаемые слова).

Слово «проза» в начальной строке третьей строфы («как я дожил до прозы») М. Богославский истолковал как унизительную реальность тюрьмы и допросов, увенчавшую «юношескую революционную романтику поэта» [3, с. 21]. На наш взгляд, упоминание о прозе отсылает к известным пушкинским строкам «Лета к суровой прозе клонят». Поэт с горькой иронией подчеркивает и преждевременность своего обращения к прозе, и полную противоположность пушкинской прозы «беллетристике» протоколов и доносов, где тоже царил вымысел. Слова «доносы» в стихотворении нет, но, даже если читатель не знаком с биографией Чичибабина, но хоть немного знает об атмосфере сталинской эпохи, он не может не услышать эту скрытую подтекстную рифму к «допросам».

Тогда «хитрые письма» – это не только лживые записи следователей, протоколы допросов, но и письма-доносы, которые опускали некоторые современники Чичибабина в почтовый ящик у ворот КГБ. В таком контексте финальный повтор высвечивает в центральном символическом образе новое, дополнительное содержание. «Красные помидоры» – это и сытые, довольные лица следователей, и цвет красного знамени (красный издавна – цвет власти), и «кровавых костей в колесе» страшной машины сталинского правосудия, ужас Лубянки и Гулага. Тем самым в последней строфе меняется адресат рефрена – это уже не друзья, оставшиеся на свободе, а бездушные и ретивые исполнители воли «отца народов».

Существует и вполне вероятная реальная подоплека данного образа. В романе И. Багряного «Сад Гетсиманский» переданы впечатления героя, находящегося в следственной тюрьме НКВД: «Наглядач розливав якусь руду юшку, що чомусь називалася борщем. Мабуть, тому, що була зварена з червоних помідорів. Від тих помідорів залишилися тонюнькі шкірочки, й крім тих шкірочок більше в «борщі» нічого не було – ані картоплини, ані капустини, ані тим більше чогось м'ясного, чогось від борщу. Гола червоняста юшка з шкірочками» [2]. После ареста в 1938 году Багряный два года находился в Харьковском следственном изоляторе УГБ-НКВД и в своем романе в значительной степени опирался на собственный тюремный опыт. Тюремное меню вряд ли особенно изменилось за годы, разделявшие двух заключенных, – прозаика и поэта.

Лирический герой Чичибабина отказывается от навязываемых ему «красных помидоров», и в этом его сила и достоинство. Главное, что он остается поэтом – хотя стихотворение небогато художественными «украшениями», в нем ощущается «поэтическая дерзость» – прежде всего в рифмах (составная, начальная, глубокая, гипердактилическая). Самых простых, глагольных рифм нет вообще – это не только придает некую изысканность простой стихотворной модели, но и подчеркивает безвыходность положения узника, обреченного либо на неподвижность в камере, либо на однообразные перемещения по строго определенному маршруту в замкнутом пространстве тюрьмы.

Классическая простота строфики (четыре катрена с перекрестной рифмовкой и чередованием женских и мужских рифм) также несет определенную смысловую нагрузку. В русской поэзии форма AbAb в катренах перекрестной рифмовки воспринимается как «образцово-классическая» [10, с. 128]. Число 4, по наблюдениям ученых, является образом статической целостности, идеально устойчивой структуры [12, с. 630]. Поэтическая конструкция оказывается едва ли не единственной опорой в разорванном, расшатанном, враждебном мире, где оказался юный узник. Кроме того, четырехчастная структура может быть соотнесена с символикой креста (не случайно в уже упомянутом «Саду Гетсиманском» метафора крестного пути является одной из центральных).

Наряду с классической строфикой поэт использует неклассическую метрику – размытый трехиктный дольник, трех- или двухударный (в последнем случае – с пропущенным вторым «схемным» ударением [6]). В стихотворении присутствуют логаядические строки: 1 и 9 (1); 2, 8, 12 и 16 (2); 3, 5, 7, 11, 13, 15 (3); 4, 6, 10, 14 (4).

1. —UU—U—U (1) Кончусь, останусь жив ли, –
- 2.—UU—U— (2) чем зарастет провал?
3. —UUUU—U (3) В Игоровом Путивле
4. —UUUU— (4) выгорела трава.

5. —UUUU—U (3) Школьные коридоры –
6. —UUUU— (4) тихие, не звенят...
7. —UUUU—U (3) Красные помидоры
8. —UU—U— (2) кушайте без меня.
9. —UU—U—U (1) Как я дожил до прозы
10. —UUUU— (4) с горькою головой?
11. —UUUU—U (3) Вечером на допросы
12. —UU—U— (2) водит меня конвой.
13. —UUUU—U (3) Лестницы, коридоры,
14. —UUUU— (4) хитрые письма...
15. —UUUU—U (3) Красные помидоры
16. —UU—U— (2) кушайте без меня.

Общность метрического рисунка сближает отдаленные строки, внося новые смысловые оттенки. Так, схема (2) объединяет рефрен «кушайте без меня» со стихами «чем зарастет провал?» и «водит меня конвой». В таком контексте «провал» приобретает дополнительный смысл: это пропасть, отделяющая героя от его мучителей.

Детальный анализ стихотворения позволяет обнаружить в нем приметы так называемой «семантической поэтики», созданной О. Мандельштамом и А. Ахматовой и впервые описанной в знаменитой статье Ю. Левина, Д. Сегала, Р. Тименчика, В. Топорова и Т. Цивьян [11]. Речь, конечно же, не может идти о непосредственной причастности Чичибабина к художественным открытиям акмеистов, хотя некоторые сближения в этом плане уже имели место («Прихильне ставлення Б. Чичибабіна до творчості О. Мандельштама сприяло захопленню основними постулатами акмеїзму: утверждения реальных житевых ценностей, конкретность і ясність земного, історичного, матеріального світу з привабливістю його чудових подробиць у реальному житті й просторі» [9]). Тем не менее важнейшая функция русской семантической поэтики, которая «послужила инструментом трансплантации культуры в условиях <...> культурного провала» [15, с. 247], чичибабинской поэзии близка, равно как близким оказывается восприятие творчества и истории.

В числе основных характеристик семантической поэтики ученые называют необыкновенно развитое чувство историзма, соотносимость истории и человека, то есть переживания истории в себе и себя в истории, понимание связи истории с культурой, соотносительности творчества с историей, вовлечение поэзии, творчества в жизнь, превращение слова в дело в неизмеримо больших масштабах, чем это мыслилось раньше: «Существенным становится только то, как человек (поэт) и история отразились друг в друге» [11]. История при этом воспринимается синхронично, что объясняет чичибабинское «стяжение» времен. Сам образ «красных помидоров» демонстрирует характерное для семантической поэтики, в особенности для поэзии Мандельштама, «тесное слияние смысловой

линии, связанной с разработкой глобальных тем, со смысловыми линиями, трактующими конкретно-чувственное состояние мира (описание цвета, звука, осязания, вкуса, других зрительных или слуховых ассоциаций и проч.) [11].

Помимо этих особенностей, присущих стихотворению Чичибабина, в «Красных помидорах» наблюдается и тенденция к «прозаизации», также характерная для семантической поэтики. Об этом свидетельствуют введение сюжетных элементов («вечером на допросы водит меня конвой»), скрытая диалогизация («кушайте без меня», обращенное к предполагаемому собеседнику), разговорные интонации (кончусь» вместо «умру»), игра временами (прошлое – настоящее – будущее), «кинематографичность» (на эту особенность обратил внимание М. Богославский: «Лестницы, коридоры, хитрые письма» – «три выразительных кинокадра из фильма, который прокручивает память» [3, с. 20]).

Стихотворение Чичибабина, в соответствии с законами семантической поэтики, воспринимается «как часть реальной ситуации – как вопрос или ответ, как реплика, просьба, молитва, заклинание, проклятие, как фрагмент, объясняемый именно из ситуации и синтезируемый в целое только при учете ситуации» [11]. Именно так «проходит *путь*, крестный путь поэта уже после “конца мира”, когда стихотворение – единственный посох,

помогающий пройти этот путь в мире, который “жесток и груб”» [11].

Заметим, что подобная ситуативно-актуальная трактовка, практически отождествляющая слово с действием, была предложена другом Чичибабина, актером и бардом Леонидом Пугачевым в замечательной песенной версии стихотворения. Интересно, что авторское чтение и исполнение Пугачева, интонационно и эмоционально во многом отличающиеся, не противоречат, а дополняют друг друга. Чичибабин читает медленно, напевно, несколько монотонно и отрешенно, подчеркивая мелодику стиха, его чтение напоминает молитву или заклинание. Пугачев вкладывает в исполнение энергическую экспрессию, бунтарство, непокорность, проклятие мучителям, вызов судьбе; он проигрывает как внешний, так и внутренний, лирический сюжет, расставляя смысловые акценты. Однако интонация абсолютного неприятия, убежденного противостояния и в том, и в другом прочтении очевидна.

Таким образом, стихотворение молодого поэта становится свидетельством не просто ранней творческой зрелости и личностного «самостоянья», но и особой поэтической интуиции: обнаруживая повышенную семантизацию всех элементов стиха и реализацию перформативных возможностей поэтического высказывания, чичибабинский текст соотносится с перспективными художественными открытиями постсимволистской эпохи.

Литература

1. Абрамович С. Д. Риторико-патетическое начало в художественном мире Б. Чичибабина: («Красные помидоры» как образ-литота чужого мира в стихотворении «Кончусь, останусь жив ли...») // Вестник Крымских чтений Б. А. Чичибабина: сб. науч. тр. Вып. 4: Б. А. Чичибабин в поэтическом мире России и Украины. Симферополь: Крымский Архив, 2008. С. 3–6.
2. Багряный І. Сад гетсиманський. URL: <https://www.ukrlib.com.ua/books/printit.php?tid=29> (дата обращения: 15.03.2019)
3. Богославский М. Самостояние стиха, или встреча двух поэтов // Материалы Чичибабинских чтений. 1995–1999. Харьков: Фолио, 1999. С. 13–28 с.
4. Векшин Г. В. Фоностилистика текста: звуковой повтор в перспективе словообразования: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10. 01. 02 – «Русский язык». Москва, 2006. 48 с.
5. Великорусские народные песни / Изданы проф. А. И. Соболевским. Т. 5. Санкт-Петербург: Б. и., 1899. 644 с.
6. Гаспаров М. Л. Русский трехударный дольник XX века // Теория стиха / Под ред. В. Е. Холшевникова. Ленинград: Наука, 1968. С. 59–106.
7. Егоров Б. Еда и питье у Бориса Чичибабина // «Пир – это лучший образ счастья» // Образы трапезы в богословии и культуре / Под ред. Светланы Панич и Ирины Языковой. Москва: Изд-во ББИ, 2016. 264 с. URL: <http://ogrik2.ru/b/svetlana-panich/pir-eto-luchshij-obraz-schastya-obrazy-trapezy-v-bogoslovii-i-kulture/28673/boris-egorov-eda-i-pite-u-borisa-chichibabina/18> (дата обращения: 10.03.2019).
8. Егоров Б. Ф. Творческая жизнь Бориса Чичибабина. Санкт-Петербург: Росток, 2016. 192 с.
9. Зуенко М. О. Особливості індивідуального стилю Бориса Чичибабіна: дис. ... канд. філол. наук: 10.01.02 «Російська література». Полтава, 2007. URL: <https://mydiss.com/ru/catalog/view/312/780/19869.html> (дата обращения: 10.03.2019).
10. Илюшин А. А. Русское стихосложение. Москва: Высш. шк., 1988. 165 с.
11. Левин Ю. И, Сегал Д. М., Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма <https://studfiles.net/preview/3349604/> (дата обращения: 10.03.2019).
12. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2: К–Я. Москва: Сов. энциклопедия, 1992. 719 с.
13. Рахлин Ф. Красные помидоры кушайте без меня... URL: <https://www.proza.ru/2011/06/25/1373> (дата обращения: 10.03.2019).

14. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/86163/Rybakov_-_Yazychestvo_Drevnei_Rusi.html (дата обращения: 10.03.2019).
15. Сегал Д. Литература как охранная грамота. Москва: Водолей Publishers, 2006. 976 с.
16. Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: в 15 т. / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург: Наука, 1997. Т. 4: XII век. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4941> (дата обращения: 10.03.2019).
17. Фризман Л. Г., Ходос А. Э. Борис Чичибабин. Жизнь и поэзия. Харьков: Консум, 1999. 128 с.
18. Чичибабин Б. А. В стихах и прозе / Борис Чичибабин; изд. подгот. Л. С. Карась-Чичибабина, Л. Г. Фризман; [отв. ред. Б. Ф. Егоров]. Москва: Наука, 2013. 567 с. (Литературные памятники).

References

1. Abramovich S. D. Ritoriko-pateticheskoe nachalo v khudozhestvennom mire B. Chichibabina: («Krasnye pomidory» kak obraz-litota chuzhogo mira v stikhovorenii «Konchus, ostanus zhiv li...») // Vestnik Krymskikh chteniy B. A. Chichibabina: sb. nauch. tr. Vyp. 4: B. A. Chichibabin v poeticheskom mire Rossii i Ukrainy. Simferopol: Krymskiy Arkhiv, 2008. S. 3–6.
2. Bahrianyi I. Sad hetsymanskyi. URL: <https://www.ukrlib.com.ua/books/printit.php?tid=29> (data obrashcheniya: 15.03.2019)
3. Bogoslavskiy M. Samostoyanie stikha, ili vstrecha dvukh poetik // Materialy Chichibabinskikh chteniy. 1995–1999. Kharkov: Folio, 1999. S. 13–28 s.
4. Vekshin G. V. Fonostilistika teksta: zvukovoy povtor v perspektive smysloobrazovaniya: avtoref. dis. ... doktora filol. nauk: 10. 01. 02 – «Russkiy yazyk». Moskva, 2006. 48 s.
5. Velikorusskie narodnye pesni / Izdany prof. A. I. Sobolevskim. T. 5. Sankt-Peterburg: B. i., 1899. 644 s.
6. Gasparov M. L. Russkiy trekhudarnyy dolnik KhKh veka // Teoriya stikha / Pod red. V. Ye. Kholshchnikova. Leningrad: Nauka, 1968. S. 59–106.
7. Yegorov B. Yeda i pite u Borisa Chichibabina // «Pir – eto luchshiy obraz schastyaya» // Obrazy trapezy v bogoslovii i kulture / Pod red. Svetlany Panich i Iriny Yazykovoy. Moskva: Izd-vo BBI, 2016. 264 s. URL: <http://ogrik2.ru/b/svetlana-panich/pir-eto-luchshiy-obraz-schastyaya-obrazy-trapezy-v-bogoslovii-i-kulture/28673/boris-egoroveda-i-pite-u-borisa-chichibabina/18> (data obrashcheniya: 10.03.2019).
8. Yegorov B. F. Tvorcheskaya zhizn Borisa Chichibabina. Sankt-Peterburg: Rostok, 2016. 192 s.
9. Zuienko M. O. Osoblyvosti individualnoho stylu Borysa Chychybabina: dys. ... kand. filol. nauk: 10.01.02 «Rosiiska literatura». Poltava, 2007. URL: <https://mydiss.com/ru/catalog/view/312/780/19869.html> (data obrashcheniya: 10.03.2019).
10. Ilyushin A. A. Russkoe stikhoslozhenie. Moskva: Vyssh. shk., 1988. 165 s.
11. Levin Yu. I, Segal D. M., Timenchik R. D., Toporov V. N., Tsivyan T. V. Russkaya semanticheskaya poetika kak potentsialnaya kulturnaya paradigma <https://studfiles.net/preview/3349604/> (data obrashcheniya: 10.03.2019).
12. Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 t. / Gl. red. S. A. Tokarev. T. 2: K–Ya. Moskva: Sov. entsiklopediya, 1992. 719 s.
13. Rakhlin F. Krasnye pomidory kushayte bez menya... URL: <https://www.proza.ru/2011/06/25/1373> (data obrashcheniya: 10.03.2019).
14. Rybakov B. A. Yazychestvo Drevney Rusi. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/86163/Rybakov_-_Yazychestvo_Drevnei_Rusi.html (data obrashcheniya: 10.03.2019).
15. Segal D. Literatura kak okhrannaya gramota. Moskva: Vodoley Publishers, 2006. 976 s.
16. Slovo o polku Igoreve // Biblioteka literatury Drevney Rusi: v 15 t. / Pod red. D. S. Likhacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. Sankt-Peterburg: Nauka, 1997. T. 4: XII vek. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4941> (data obrashcheniya: 10.03.2019).
17. Frizman L. G., Khodos A. E. Boris Chichibabin. Zhizn i poeziya. Kharkov: Konsum, 1999. 128 s.
18. Chichibabin B. A. V stikhakh i proze / Boris Chichibabin; izd. podgot. L. S. Karas-Chichibabina, L. G. Frizman; [otv. red. B. F. Yegorov]. Moskva: Nauka, 2013. 567 s. (Literaturnye pamyatniki)

Шеховцова Тетяна Анатоліївна, доктор філологічних наук, професор кафедри історії російської літератури, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна (м. Харків, майдан Свободи, 4, 61022); e-mail: shekhovt2@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6270-6549>

Шеховцова Татьяна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина (г. Харьков, пл. Свободы, 4, 61022); e-mail: shekhovt2@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6270-6549>

Tatiana Shekhovtsova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature, V. N. Karazin Kharkiv National University (Svobody Sq., 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: shekhovt2@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6270-6549>